

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов, Н. Ф. Каптерев, 1887 г.

ГЛАВА IV.

Изъ сказаннаго нами о состояніи книжныхъ исправленій при патриархѣ Іосифѣ самою собою слѣдуетъ, что книжными справщиками при Іосифѣ нивель не могли быть такіа лица какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы Никона, а между тѣмъ и доселѣ это мнѣніе о книжныхъ исправленіяхъ Іосифа поуди всѣми, признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳеодоръ, Нероновъ и Стефанъ Воиновъ въ „веле въ оно время (въ концѣ патриаршества Іосифа) имѣяху дерзновение къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патриархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на совѣтъ вышепомянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „все отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“⁵⁷). Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранив-

⁵⁷) Стр. 92--103.

спасом: до нашего времени синоди справщиковъ книгъ 'за' ХУИІІ
звѣтъ: съ почтеньемъ, обожаньемъ, тогда и что зѣмлялся 'инна'
ноу справовъ д' столько за вто получалъ *). Въ этихъ спискахъ
иногда Аввакума, Даваръ, Геромова и другихъ: вовсе нѣтъ, хотя
сравнениа книгъ за время Іоанна и укаваны. Нѣде дѣло, что
утомилуша ища новсе не были книжныи исправленіями. Но
оночеловѣко оставилъ: въ мнѣніе в' божественныхъ справщикахъ,
иде: оклибешася, даде ишаи гучше мовѣише которми не рѣ-
шася: и к' яиду гдѣе труднахъ: испросеа, которме тогда воз-
ишася: при объясненіи истреи принаваемой порчи написку
церковныхъ книгъ, при велѣреніи Іосифа. Если въ действитель-
ности: инакшася: исправленіями при истрѣреніи Іосифа были не
иавѣстнае: неизвѣстныи: протеченіи и текы, сказавшіся по-
томъ: проиниманими спискомъ: исправленій Никона, а совсѣмъ
другіи книги: иди ми томъ: истр' времени: очень образованнѣе
и: в' инфоторимъ: ет'юменникъ: чаше либеральнѣе *), то откуда
же и кѣмъ въ такомъ случаѣ: янесенъ: была въ наши печатныя
іосифовскія: книги: короче: инаи: истреивши: невѣстномъ: рас-
повѣщенъ: инаи: *). Чтобы инаи: истреивши: на этотъ вопросъ
преродъ. Мисарій, въ: своей: Мисогоніи: русской: церкви, глумаетъ
объяснить: дѣле: такими: образованъ: онъ: признаетъ, что: Аввакумъ,
Даваръ и другие: дѣятельнѣе: же: были: простыми, обыкновенно-
дешными: справщиками, почему икъ: инаи: и не попали: въ: син-
оды: инаи: истреивши: не: за: что: они: инаи: истреивши: вер-
ковскій: инаи: истреивши: за: инаи: истреивши: такъ: что: инаи: при-
наи: инаи: истреивши: редакція: всѣхъ: истреивши: къ: печа-
таны: инаи: истреивши: чему: они: инаи: истреивши: возможность:

*) Румицева, Древн. земли Москов. печатнаго дора, въ Архивахъ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, прилжч. 67. Прибавл. къ Творен. Св. Отцовъ 1888 г., кн. IV, статья И. Маневова: «Какъ у насъ правились церковныя книги», стр. 696—698.

*) Орлоу 1647. года: инаи: истреивши: инаи: истреивши: Свѣдѣнъ: въ: составъ: котораго: инаи: истреивши: его: норма: чуждася. Не: инаи: истреивши: не: инаи: истреивши: всѣхъ: новыхъ: чудесъ, «истину: бо: глаголю: даже: быти: и: дѣятелю: въ: случаи», а: не: е: чудеса» (Временникъ: Общ. Ист. и Древн. кн. X, свѣдѣнъ, стр. 6—6). Инаи: истреивши: что: инаи: истреивши: отношеніе: къ: инаи: истреивши: чуждася: инаи: истреивши: инаи: истреивши: не: могло: инаи: истреивши: отъ: таихъ: инаи: истреивши: Аввакумъ: и др.

изданіемъ высшій надзоръ, значить допускать слишкомъ вопиющую несообразность, вѣчто рѣшительное невозможное.

Та же полная несообразность этого мнѣнія обнаруживается и при соображеніи другихъ данныхъ.

Важнѣйшая старообрядческая особенность—ученіе о двоеперстїи, въ первый разъ внесена была въ Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили въ томъ же году 31 декабря. Въ этой Псалтыри есть нѣсколько сводныхъ статей, изъ которыхъ вторая заглавляется такъ: „Вѣдомо буди и о семь, яко подобаетъ всякому христіанину вѣдати извѣстно, како лице свое крестити крестообразно и истово“... и пр. Вся статья о перстоложеніи изложена буквально сходно съ тѣмъ, какъ она была потомъ напечатана въ знаменитой Кирилловой Книжкѣ, появившейся въ 1644 году. Значить, первое появленіе въ печатныхъ Іосифовскихъ книгахъ ученія о двоеперстїи относится къ 1642 году. Теперь спрашивается: въ 1642 году были ли въ Москвѣ протопопы Аввакумъ, Лазарь, Нероновъ, предполагаемые справщики книгъ, первые будто бы внесшіе въ нихъ ученіе о двоеперстїи? Вотъ данныя для рѣшенія этого важнаго вопроса: въ 1644 году протопопомъ московскаго Благовѣщенскаго собора былъ священникъ Никита ⁽⁶⁾. Значить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевичъ, выдвигнувшій Неронова, Аввакума и др. сдѣлался протопопомъ Благовѣщенскаго собора не раньше 1645 или 1646 года, когда онъ, какъ духовникъ новаго царя, сталъ особенно значительнымъ человекомъ. Стефанъ тѣсно сблизился съ Феодоромъ Ртищевымъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ одобренія царя, назначилъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанна Неронова, который ранѣе былъ приходскимъ священникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Слѣдовательно Нероновъ переселился въ Москву изъ Нижняго Новгорода никакъ не ранѣе 1646 или 1647 года. Что же касается

⁽⁶⁾ «Благовѣщенскаго собора, что у государя на Обнѣхъ, приходившіе къ патриарху съ ирландскою св. водою протопопы: 162 г.—Никита; 164—165 г.—Стефанъ Вонифатьевичъ» (Материалы для ист. археол. и статистики москв. церквей—Забѣлина, стр. 169 и 1.040).

Аввакума, то онъ самъ даетъ опредѣенныя свидѣнія о времени своего переселенія въ Москву. Сначала онъ, былъ сельскимъ священникомъ въ Нижегородской области, а потомъ, былъ поставленъ протопопомъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ онъ пробылъ всего только восемь недѣль и затѣмъ бѣжалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого, по словамъ Аввакума, „Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ мощи Филиппа митрополита“. Значить, Аввакумъ поселился въ Москвѣ только уже въ послѣдній годъ патріаршества Іосифа⁴¹⁾ и въ Москвѣ, по его собственнымъ словамъ, занимался не книжными исправленіями, а тѣмъ, что читалъ въ Казанскомъ соборѣ народу книги, т.-е. отеческія поученія, такъ какъ онъ, переселившись въ Москву, приписался къ Казанскому собору, протопопомъ котораго былъ его другъ, Нероновъ. Аввакумъ же указываетъ и на время, когда въ Москву перебрался и костромской протопопъ Даниилъ. Именно онъ рассказываетъ, что когда ему пришлось бѣжать изъ Юрьевца въ Москву, то онъ „на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа жъ Даниила изгнали“. Слѣдовательно Даниилъ явился въ Москву не задолго до прибытія сюда Аввакума, т.-е. въ послѣдніе мѣсяцы патріаршества Іосифа. Логинъ былъ взятъ въ Москву изъ Рязани уже при патріархѣ Никонѣ. Лазарь и Никита въ то время еще вовсе не были въ Москвѣ.

Такимъ образомъ предполагаемые книжные справщики при патріархѣ Іосифѣ, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Логинъ появились въ Москвѣ—первый никакъ не ранѣе 1646—1647 года, Аввакумъ въ послѣдніе только мѣсяцы патріаршества Іосифа, а Логинъ и Лазарь—уже при Никонѣ. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ эти лица могли принимать прямое, или непрямое участіе въ книжныхъ исправленіяхъ, могли вносить старообрядческія мнѣнія въ наши церковныя книги, напечатанныя еще при Михайлѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, когда ихъ въ это время и въ Москвѣ-то вовсе не было? Какимъ образомъ напримѣръ Аввакумъ, бывшій до пятидесятихъ годовъ

⁴¹⁾ Въ послѣдствіи онъ, Аввакумъ, Иванъ, показывалъ, что отецъ его выѣхалъ въ Москву изъ Юрьевца въ 1659 году, т.-е. въ 1651 г. (Есинава, Опис. раск. дѣл. XVIII стол. т. I, стр. 119).

простыми, никому незнакомымъ съвѣстнымъ священникомъ; могъ вѣсть изъ своего села въ Нижегородской области не пречатане въ Москвѣ церковныхъ книгъ, ва внесеніе въ нихъ разныхъ не подобающихъ статей? Ясное дѣло, что считать Неронова, Аввакума, Даниила и Лазаря справщиками книгъ при Іосифѣ или верховными руководителями книжной справы, видѣть именно въ нихъ виновниковъ повленія въ нашихъ церковныхъ книгахъ различныхъ старообрядческихъ мнѣній, значитъ допускать нѣчто совершенно несообразное и совсѣмъ невозможное. Да и вообще странно было бы какого-нибудь Аввакума видѣть въ роли книжнаго справщика, а тѣмъ болѣе верховнаго руководителя книжной справы, когда онъ, по словамъ его единомысленника и почитателя, извѣстнаго дьякона Федора, не могъ грамотно прочесть даже и свою собственную имѣвшуюся Псалтырь и отличить въ ней простую опечатку отъ подлиннаго текста, когда онъ даже относительно основнаго христіанскаго догмата, въ ученіи о Св. Троицѣ, впадаетъ въ еретическое мудрованіе. Какъ ни бѣдна была древняя Русь образованными людьми, все-таки дѣло въ этомъ отношеніи не доходило до того, чтобы у насъ справщиками книгъ дѣлали лицъ не могущихъ читать грамотно, не могущихъ замѣтить въ книгѣ простой опечатки и не имѣющихъ правильнаго представленія даже о Св. Троицѣ. Думать такъ значило бы слишкомъ уже злоупотреблять представленіемъ о всеобщемъ невѣжествѣ въ древней Руси и слишкомъ уже унижать, въ ущербъ истинѣ, нашу древнюю церковную жизнь ⁴²⁾

⁴²⁾ Послѣ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ противниковъ церковной реформы Николая оказалось много сочиненій, въ которыхъ они постоянно говорятъ о книжныхъ исправленіяхъ при Николаѣ, означая возмездными книжи со старыми печатаньями, и въ то же время ни разу и нигдѣ не говорятъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ когда-либо былъ книжнымъ справщикомъ, — умочаніе рѣшительно ничѣмъ необъяснимое, еслибы они, какъ предполагаютъ, дѣйствительно были книжными справщиками при Іосифѣ. Еслибы еще кому и можно было приписать ему противниковъ реформы Николая участіе въ книжныхъ исправленіяхъ при Іосифѣ, то единственно двумя лицами: Павлу, синодально-коломненскому и Иоанну Неронову, такъ какъ они двое изъ всѣхъ противниковъ реформы Николая дѣйствительно жили значительное время въ Москвѣ при Іосифѣ и потому имѣли возможность заглядывать книжною справкою или же читать ее надъ верховнымъ над-

Какъ несправедливо обвиняе, чтобы какими-нибудь священниками при патриархѣ Іосифѣ были прѣстольные протесты и торжественной ре-

зоръ. Но и это, единственно возможное предположеніе, рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ дьякона Теодора, который говоритъ: «на епископа Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопопа Іоанна Неронова писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патриархамъ ложныя басни, оправдывая самъ себя, а въ нихъ клеветки, лжи думалъ, будто они составили новыхъ молитвъ и чинъ церковные и тѣмъ людей раздражить, и отъ собора на церковь отлучить». **Никакъ же всѣхъ православныхъ христіанъ во всей русской земли вѣдомо о томъ, яко вѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единыя молитвы, ни тропари новаго, и единого слова развратнаго не могли они въ старыя книги нигдѣ отыскать, и раскога въ церкви отъ нихъ не бывало никакого, и у книжныхъ старцевъ на мѣщанскомъ дворѣ не саживали, и не набирывали не бывали тогда о семъ осязъ Москвы» (Мелеръ, для вост. раск. Субботина, т. VI, стр. 198—199). Заподозривать это свидѣтельство Теодора о Павлѣ коломенскомъ и Нероновѣ невозможно,—это дѣло было вѣдомо всей Москвѣ и она немедленно обвинила бы Теодора во лжи, еслибы онъ сказалъ неправду. Здѣсь кстати уже укажемъ еще на одинъ выдающійся фактъ, который прямо и рѣшительно говоритъ всею по крайней мѣрѣ протопопу Аввакуму не только не былъ справедливымъ при Іосифѣ, но что онъ даже не былъ особеннымъ поклонникомъ и почитателемъ іосифовскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ въ первое время. Какъ извѣстно Аввакуму, Лазарь, дьяконъ Теодоръ посланы были въ Пустозерскъ, гдѣ между ними возникли горячія препирательства по разнымъ богословскимъ вопросамъ, во время которыхъ протопопу Аввакуму очень опредѣленно выразилъ свое отношеніе къ іосифовскимъ книгамъ. Дьяконъ Теодоръ говоритъ, между прочимъ, и слѣдующее о своей распрѣ съ Аввакумомъ: «я, в образѣ Святыя Троицы съ протопопомъ Аввакумомъ у меня распра бысть до казни еще здѣшній, о единомъ стихѣ токмо, еже въ тройческомъ канонѣ 6 глаго, на воскресной полунощницѣ, во Псалтырихъ со возсѣдованіемъ поется 1 пѣсни стихъ той: пресушныи единыя Господѣ и трисливны образы, въ тождествѣ зрака снѣгъ, и прочая. *Симъ въ ево Псалтырь аввакумовъ начинаемъ гора Осафа патриарха*. Сказавъ потѣмъ, что опечатка іосифовской Псалтыри была потѣмъ исправлена, Теодоръ говоритъ: «я у мене въ то время *Псалтырь бысть учебная Іосифа патриарха*, въ ней же положено богословія святыхъ отецъ Анастасіа, и Кирилла, и Макарія Мелитопольскаго: и како учить селити стдн къ вопрошающимъ единыя образъ показывати, а состави и лица три. И такы три лица и три состави во единомъ образѣ. И въ Камизисисъ также богословія есть. И азъ тѣ книги снѣгъ, протопопу, показывалъ, еже учить насъ три лица Святыя Троицы показывати во единомъ образѣ и единому трисливному зраку Вечества показывати научи. *И въ иже книги іосифовскыя (т. е. іосифовскыя) не отримъ и снѣгъ Псалтыри (іосифовскую) ираше есмы стднъ книгъ книжескъ*. Далѣе дьяконъ Теодоръ разсказываетъ: «я въ той же Псалтыри его (Аввакума), которому онъ показывалъ есмы книги три»**

формы Никона, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и дру-
гие, такъ рѣшительно несправедливо и то живѣе, что будто бы

оте, была описъ во 104 псалмѣ, сія рѣчь: и виде израиль во Египетъ, и воз-
расти люди своя зѣло. А у него было: и возврати люди своя зѣло. И за сію
описъ болѣе года бранился со мною, еже азъ то назвалъ описью и велѣлъ гла-
голахъ ему: во псалмѣ томъ *возрасти* люди своя Израиль, а не *возврати*. Огъ
же бранился мѣ вѣло: *ты де старши книги, судиши и переисправляеши мене
сидиши*, а я де за нихъ мучуся отъ никоніанъ, давно тебе! Лазарь съ нѣмъ же
на меня брюжжалъ. И послѣ отъ нинхъ Псалтырей познавъ, яко право глаго-
лахъ ему». (Матеріалы, т. VI, стр. 119 и 127). Итакъ протопопъ Аввакумъ вѣ-
рилъ только въ свою іосафовскую Псалтырь, ея признавалъ правѣ всѣхъ іосифов-
скихъ книгъ, никакъ не хотѣлъ признавать, чтобъ въ ней были означены и чтобъ
она требовала какого-либо исправленія. Говорить, молвъ этого, что Аввакумъ
былъ книжнымъ справщикомъ при Іосифѣ, что нѣтъ, или его единомышленниками
внесены были въ іосифовскія книги разныя старообрядческія мнѣнія, намъ ка-
жется рѣшительно невозможнымъ. Да и вообще противники церковной реформы
Никона нигдѣ и никогда не выдвигаютъ на первый планъ іосифовскія книги, какъ
имѣющая рѣшительное преимущество предъ другими: старопечатными до-никонов-
скими книгами, что было бы съ ихъ стороны нелепо, естественно, еслибы они
дѣйствительно были книжными справщиками и во всѣхъ особенностяхъ іосифов-
скихъ книгъ, сравнительно съ предшествующими, видѣли свое личное дѣло. Но
они обыкновенно защищаютъ не іосифовскія книги, а старыя до-никоновскія
книги вообще, вовсе не различая между іосифовскими и не-іосифовскими. Не
допускаетъ, что ихъ совѣли на старыя книги при поделкѣ противъ новонаправ-
ленныхъ чаще заимствуются изъ книгъ іосифовскихъ; то это явленіе легко об-
ясняется тѣмъ, что при Іосифѣ разныя книги было напечатано больше, чѣмъ
при его предшественникахъ патриархахъ, что іосифовскія книги исправлялись
лучше и съ болѣею тщательностію, нежели книги его предшественниковъ, что
книгъ современныя имъ, онъ были имъ и болѣе извѣстны и болѣе доступны. Впро-
чемъ есть одно свидѣтельство за то, что послѣдними Никона изъ старыхъ до-никоновъ
печатныхъ книгъ уважали по преимуществу книги филаретовскихъ изданій. Па-
велъ, митрополитъ крутицкій, говоритъ иноку Авраамію: «врагъ Божій! Да то
и съ вашихъ любимыхъ Потребниковъ филаретовскихъ напечатано... (Матер.
VII, 411). Это подтверждаетъ и Аввакумъ въ своемъ посланіи къ священнику
Отефану: «ка многія де наши дужовныя люди, пишетъ онъ, возмутились и злымъ
жизни іосифовъ патриархи, не вѣдуце писаша, ни слыи его, заблуждающе отъ
пути истиннаго: *будто де не сладны съ филаретовыми и іосафовыми*. И
мы несходства и ересей не разумѣемъ: книги добры іосифовы, а ихъ всѣхъ при-
емлю, и чествуя дрбаю» (Мат. V, 215). Самая возможность со стороны нѣко-
торыхъ противниковъ Никона хулить книги патриарха Іосифа, какъ несходныя съ
филаретовскими и іосафовскими, которыми вѣрили по преимуществу, возмож-
ность возникновенія въ средѣ противниковъ реформы Никона вопроса: слѣдуетъ
ли признавать имъ іосифовскія книги, уже прямо, опять говорятъ за то, что гла-

наши церковныя книги при патриархѣ Іосифѣ подверглись особой порчѣ и искаженію вслѣдствіе невѣжества іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ.

Главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для обвиненія книжныхъ Іосифовскихъ справщиковъ въ невѣжество, порчѣ и искаженіи ими нашихъ книгъ служитъ то обстоятельство, что только при патриархѣ Іосифѣ въ наши печатныя церковныя книги внесены были въ первый разъ известныя старообрядческія особенности—ученіе о двоеперстии въ крестномъ знаменіи, двоеніе аллилуйи и пр. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли книжные справщики временъ патриарха Іосифа должны нести всю вину и всю отвѣтственность за внесеніе ими въ наши церковныя книги известныхъ такъ-называемыхъ старообрядческихъ особенностей или для того времени эти особенности вовсе не были тѣмъ, чѣмъ онѣ стали послѣ церковной реформы Никона? Въ видахъ болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопроса возьмемъ важнѣйшую статью — ученіе о двоеперстии и посмотримъ, откуда и какъ взялся этотъ обычай, чтобы видѣть, насколько правы были или нѣтъ Іосифовскіе справщики, внося это ученіе въ наши печатныя церковныя книги. Начнемъ наше изслѣдованіе съ московской Руси.

Какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ-называемое *Теодоритово слово*⁶³⁾, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ

вари раскола: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Лазарь и др. никогда не были при Іосифѣ книжными справщиками и къ книжной справѣ вообще не имѣли никакого отношенія.

⁶³⁾ Различныя доселѣ известныя редакціи такъ-называемаго *Теодоритова Слова* напечатаны въ Братскомъ Словѣ—1876 г. Отд. II, III, стр. 197 и слѣд.

редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знамені двуперстное перстосложение (всѣ попытки объяснить некоторыя редакціи этого слова въ пользу троеперстия рѣшительно неудачны) и такъ понимаемое всеми русскими XVI и XVII вѣка, оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши оправданное выраженіе въ Феодоритовомъ словѣ, ученіе о двоеперстии въ крестномъ знамені признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключаящее всѣ другія формы перстосложения, какъ неправыя. Митрополитъ Давидъ училъ: „сиде благословиши рукою и престоидя три персты равно имѣти вкуцѣ—болшею, да два послѣднихъ, по образу троическу... а два перста имѣти напещена, а не дростерта, а тѣмъ удавъ тамо: преобразуютъ двѣ естества Христовѣ—божество и человечество и пр.“⁶⁴⁾ Преподобный Максимъ грекъ училъ: „совоупещенемъ бо тріехъ персть, окръчпаца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единого Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго спещнася два естества во Христвѣ... и пр.“⁶⁵⁾. Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „иже кто не знаменаетъ двѣма персты, яжеже и Христовъ, да есть провѣсть“. Это соборное постановленіе о двоеперстии имѣло вполне обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двоеперстие въ крестномъ знамені. Первый московскій патріархъ Іовъ пишетъ обширное посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузинъ держать правую христіанскую вѣру безъ всякихъ перемѣнъ и отступленій, которыя ими допущены. Въ это поученіе, составленное изъ старыхъ русскихъ поученій, патріархъ Іовъ вноситъ нѣчто отъ себя и именно относительно перстосложения въ крестномъ знамені. Онъ пишетъ, поучая грузинскаго митрополита: „молящися, креститися подобаетъ двѣма прьсты; прежь положить на чело главы своея, тоже на перси; потомъ же на плече правое,

⁶⁴⁾ Ibid. стр. 206.

⁶⁵⁾ Это слово Максима напечатано въ Кирилловой книгѣ, л. 184, об.

тоже и на живое; съгбеніе прьоту именуется шестствіе съ небесъ, а стоящій персть указуетъ вознесеніе Господне; а три персты равны держати—исповѣдуемъ троицу нераздѣльну, т.-е. истинное крестное знаменіе“⁶⁶⁾. При патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ былъ напечатанъ въ Москвѣ послѣ долгихъ исправленій такъ-называемый большой Катихизисъ, составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ. Въ этомъ Катихизисѣ, какъ извѣстно, находится простое, положительное ученіе о двоеперстїи, которое такимъ образомъ въ первый разъ вошло въ печатныя московскія книги при Филаретѣ, а не Іосифѣ. Въ 1637 году въ Грузію, выѣзъ съ царскими посланцами, патриархомъ Іоасафомъ отправлено было и особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Сукановъ), въ наказъ которымъ говорится, что они посылаются въ Грузію „для исправленія и утвержденія евангеліа православнаго христіанскія вѣры“. Исполняя свою миссію, послы между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: „архіепископъ вашъ и епископы и дѣны оныхъ себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію св. апостоловъ и св. отецъ, оградить не ужьютъ, а прочіихъ людей благословить истинно и не знаютъ“⁶⁷⁾. Едва ли нужно объяснять, почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское перстоложеніе въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ. При патриархѣ Іосифѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи вносится въ разныя наши печатныя церковныя книги, а патриархъ Никонъ, въ началѣ своего патриаршества и самъ употреблялъ двоеперстіе, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуемъ митрополитъ Игнатій тобольскій⁶⁸⁾. Такимъ образомъ такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Максимъ грекъ, такіе выдающіеся, учительные и не тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Да-

⁶⁶⁾ Ист. русск. церкв. Макарія, X, 72.

⁶⁷⁾ Христ. Чтен. 1884 г. мартъ, статья Блюкурова: Поѣздка старца Арсенія Суканова въ Грузію.

⁶⁸⁾ Приѣзжавшіе въ Москву восточные патриархи, говоритъ Игнатій, «видяъ сего всесвятѣйшаго господина Никона, крестное знаменіе на себѣ положиша двоеперстнымъ сложеніемъ (понеже и великая достоинства, *еси отъ мала и до велика отъ гѣхъ* (іосифовскихъ) книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати)» изобличили его въ неправотѣ. Третье посланіе Игнатія стр. 103.

ники: Макарий, а также главы синодальных патриархи: Идъ, Филаретъ, Досаевъ, Досевъ и Нидомъ, въ составъ патриаршества и наконецъ, даже цѣлый соборъ русскихъ епархіалей (Стегларай); неопровержимо и согласно свидѣтельству, что въ московской Руси въ концѣ XV, до половины XVII вѣка, общепотребительнымъ и признаваемымъ всею церковью единообразно признаваемое перстосложеніе: въ крестномъ знаменіи было двуперстное. Если попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ бороться вѣста вѣдать, какъ попытки вѣстѣть дошедшія до насъ редакціи въ ученіи о перстосложеніи, въ которыхъ замѣчательна какая-либо неясность и неопредѣленность, потопившая въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемаго обычая), скандаловъ рѣшительно неудачными, ибо они не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго доказательства вродѣ тѣхъ, какіе имѣеть за себя двуперстіе. Нужно признать, какъ того требуетъ историческая истина, что вѣстѣ существованія въ московской Руси двуперстія стоитъ твердо и неопровержимо. А отсюда само собою становится яснымъ, что допущеніе сраженій, вродѣ въ наши церковныя печатныя книги ученіе о двуперстіи въ крестномъ знаменіи, никакъ не могутъ вести за это ответственности, никакъ не могутъ подвергаться за это порицанію и укоризнамъ, ибо они ратовали въ этомъ случаѣ за общепотребительный и всею церковью признаваемый тогда обычай, который въ то время еще ни съ чьей стороны не подвергался сомнѣнію.

Если неудачны и совсѣмъ противны исторической истинѣ всѣ попытки нашихъ полемистовъ съ расколомъ бороться вѣстѣ, существованія въ московской Руси двуперстія, какъ господствующаго и общецерковнаго обычая, то точно также очень неудачны и ихъ попытки объяснить, откуда и когда возникъ въ московской Руси этотъ обычай, который они считаютъ неправильнымъ, только простымъ искаженіемъ древнѣйшей и единственно правой формы перстосложенія троеперстной. При объясненіи, откуда и какимъ образомъ въ московской Руси могло появиться неправое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи, нашимъ полемистамъ приходится при ихъ нежеланіи быть безпристрастными, при ихъ неохотѣ серьезно и научно изучить интересующій ихъ

вопросъ; прибѣгать иногда въ очажь сѣвѣмъ и даже фантастическимъ предположеніямъ, который не смотря на всю ихъ очевидную несостоятельность и непригодность, выдается однако за несомнѣнную историческую истину. Таково напримѣръ старинное предположеніе, что двуперстіе есть будто бы армянское перестроженіе⁴⁴⁾ и перешло на Русь отъ армянъ или новѣйшее предположеніе, что двуперстіе явилось у насъ благодаря истрѣмъ пронокамъ папства⁴⁵⁾. Но уже одна возможность дѣлать подобныя предположенія—объяснять церковныя обычаи древней православной Руси вѣднѣемъ вѣднѣмъ-то армянъ или пронокамъ латинства, увязывать на полное безсмысленное положеніе тѣхъ, которые принуждены прибѣгать къ такимъ предположеніямъ.

Болѣе осторожныя и серьезныя историки полагали для объясненія происхожденія у насъ двуперстія не ссылаются уже на армянъ и латинъ, а подыскиваютъ болѣе вѣроятныя и удобопринямыя предположенія. Незнѣство древней Руси, вѣтъ кто, говорятъ они, истинный виновникъ появленія у насъ двуперстія, наше собственное незнѣство наредѣвало древнее двуперстіе въ двуперстіе, оно же и приняло и держало свою передѣлку, какъ древній и единственно правый обычай, армяне же и готландцы тутъ ни причемъ. 3f).

⁴⁴⁾ Хотя дѣвѣство, что греки всегда указали армякъ въ употребленія въ древнемъ знаменіи только одного перста, какой армянскій обычай греки и приводили въ связь съ склонностію армянъ къ монофизитству. Объ этомъ скажемъ ниже.

⁴⁵⁾ Такъ объясняетъ дѣло свѣщ. Виноградовъ въ своемъ сочиненіи «О Теодоритовой Слово» Москва 1836 г.

Иль Иванъ великій и другіе историки русской церкви, митрополита Макарія поспѣшилъ въ Братскомъ Слово (въ 1875 г.) сдѣлать: «Предидо Свояго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія», въ которой дознаніе у насъ двуперстія думаетъ объяснить смѣшеніемъ сложенія перстовъ въ крестномъ знаменіи и въ священническомъ благословеніи. «Какому-нибудь грамотѣю, говоритъ онъ, любившему поумѣствовать, легко могло придти на мысль, вѣтъ это въ церкви употребляется два различныя перстосложенія для благословенія и престоаво знаменія, когда совершенно удобно соединить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла?.. Родившись въ головѣ какого-либо грамотѣя, такая мысль могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями и чрезъ нихъ мало-по-малу распространяться. Или дѣло совершено еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрую-

неосновательна съ стороны некоторых наших историков, по нашему мнению, никак не может быть признана и оправдана, хотя бы самыми остроумными и большими разсуждениями о моральном русском невежестве, въ удлинительной и совершено намъ непонятной ослепотѣ всѣхъ членовъ Свѣтлаго собора. Мы думаемъ, что представители русской церкви истинно вѣрали въ то, чтобы учить и агитировать другихъ, доселѣ признаваемый всею церковью православной общиной, отъ другихъ или неправославныхъ или только что новонамысливаемаго двинутаго невѣстнаго невѣдомаго думать никакъ не смѣли, по нашему мнению, сколько уже презрительно отклоняясь къ представителямъ нашей древней церковной иерархіи, являлись являть о православіи и христіанствѣ пониманіи вообще, какимъ образомъ и всей русской церкви черезчуръ уже живое представление, не оправданное действительностию.

Что двоякостное слово не было вымышленнымъ невѣстнаго невѣдомкаго московскаго или гродненскаго и что вообще оно не было принадлежностію только невѣстнаго невѣдомкаго русской Руси, не это мы имѣемъ прямыхъ и вѣроятныхъ доказательствъ. По указаніямъ нашей бібліографіи въ Кіевѣ въ 1584 году было напечатано небольшое почтеніе подъ заглавіемъ „Максимъ ивона, како подобаетъ възвѣствовати: сретити: съединити“⁷³⁾. Въ действительности это не есть слово Максима о крестности знаменіи, но произведеніе неавѣстнаго автора, хотя въ немъ самое убогое и перитроложеніе какою-то крестности отъ Максима, писано: „совокупленіемъ тріехъ перстей, сиречь палецъ иже отъ средняго и мадаго тайну поподѣруемъ. Благочестивыиъ тріехъ испостаскѣ Отца, Сына и Духа Святаго, единатаго Бога трое. Протяжениемъ же мадаго и средняго, съединенася два естества во Христвѣ, сиречь самаго Спаса Христа исподѣруемъ свершена Бога и съвершена челоуѣка въ двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго“... Въ 1596 году въ Вильнѣ была напечатана Лаврентіемъ Зиваніемъ Азбука, въ приложеніи которой помѣщено было сочиненіе его брата Стефана Зиванія подъ заглавіемъ: „Изложеніе о православной вѣрѣ“. Въ концѣ

⁷³⁾ Оно находится въ Моск. Румянц. музеѣ № 2.224, по указателю Ундольскаго № 98.

этого изложенія въры находятса особая статья „о знаменіи крестномъ“, въ которой замлючается слѣдующее ученіе о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи: „зложеніе великаго палца двояма малыми значить святую Троицу, а сиконеніе того, што при великомъ до среднего, значить въ прирощени и истности въ Христвъ. Положеніе правые руки на чело, значить двою: предвѣчное отъ Бога Отца Сыново рождество и тоеже ависокости зышолъ, а што на пугъ, значить иже тойже Сынъ Божій зступилъ на землю и въчеловѣчился отъ панны чистой свитой Маріи и злюдиа жить, распять, умеръ, въспрееъ въ третій день, и взнесенъ на небеса, сѣдить одесную Отца, але еше не конецъ. А обвоженіе руки правой первѣ на правое плече, а потомъ изправаго на лѣвое, значить иж въ судный день справедливыи на правили Бога будутъ стояти, а грѣшныи на лѣвици и тое значить иж тогда справедливыи лзнесутъ судъ на грѣшныхъ, правица бо въмъ въ судный день лѣвицу звалчитъ, а не лѣвица правиду. Нынѣ бо въмъ лѣвица правиду преслѣдуетъ, а тогда праведники не только людей грѣшныхъ, але и аггеловъ згрѣшившихъ осудить, ищи въ евангелии отъ Марка глава 19 Лудѣ глава 22, и въ Коринѣянамъ I посланіе глава 2, мудрость Соломона глава 3“⁷⁹⁾. Въ 1602 году въ Вильнѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ въры, единое правдивое перкве Христовы“. Въ этой книгѣ, въ пятой главѣ, о крестномъ знаменіи между прочимъ говорится: „злученіемъ трехъ палцовъ посполу-то есть великаго и малаго и третего, што поде малаго, исповѣдуется таешница божественныхъ трехъ испостасей: Отца Сына и Свитаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Протягнѣнемъ же двоохъ палцовъ—дышнато и средняго, показуется таешница самаго Господа нашего Исуса Христа, ижъ есть досканалый Богъ и досканалый бытъ человѣкъ нашего для спасенія. Также зложивши палцы первѣи владемъ руку на голову, албо на чоло, вызнаваючи, ижъ една правдивая и вѣчная наша голова Христось есть, яко апостоль мовить: Господа нашего Богъ Отець далъ голову вышей всѣхъ церкви, которая есть тѣло его. Потомъ же владемъ руку на животъ, исповѣдуочи

⁷⁹⁾ Азбука Зизанія находится въ Руманц. муз. № 65.

битіе его на землю, и еже въ пречистѣмъ животѣ Богоматере безсѣмянное зачатіе Его, тотъ бо прошель утробу ея, яко солнце смя, невременачи ключа дѣны рождествомъ своимъ. Потомуже владеть на правое плече, выинавачи нѣкъ сѣдигъ на правици Бога Отца, прочее, прочее яду... ажъ доложатся врази его подножіе ногъ его. Потомуже на лѣвое плече владеть, образуячи, нѣкъ прійдетъ еще во второе на судъ и владеть на дѣвицы сущимъ муку вѣчную, а на правици сущимъ животъ вѣчный. Также перекрестивше лице свое знаменіемъ крестнымъ, кланяемся Богу, абы насъ лѣваго стоянія избавитъ, а благословеніе свое далъ намъ“⁷⁴⁾. Около двадцатыхъ или въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Кіевѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Книга о вѣрѣ о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви“, во второй части которой, въ статьѣ „о знаменіи крестномъ“, говорится: „злученіемъ трехъ палцовъ посполу, то-есть великаго и малого, и третего, што подлѣ малого, исповѣдуется таемница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ трехъ лицахъ. А протяженіемъ двохъ палцовъ, вышнего и среднего, показывается таемница Бога слова вѣлненіе Господа нашего Исуса Христа и двохъ натуръ божской и человѣческой слученіе подъ единою особою“ и т. д. вполнѣ согласно съ приведенною сейчасъ выдержкою изъ книги: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей... и о иныхъ артикулѣхъ вѣры“. Не только въ печатныхъ книгахъ, но и въ разныхъ южно-русскихъ рукописныхъ сборникахъ, гдѣ только говорится о крестномъ знаменіи, всегда содержится ученіе о двоеперетіи. Такъ оно находится въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые извѣстны подъ именемъ Литовскихъ Просвѣтителей, оно содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевского михайловскаго игумена Наонама, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году⁷⁵⁾.

⁷⁴⁾ Ibid. № 85.

⁷⁵⁾ Именно въ ней ученіе о перстосложеніи излагается такъ: «зложеніе трехъ палцовъ правой руки посполу то-есть великаго и малого и третьяго, што подлѣ малого исповѣдуется таемница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Св. Духа, единаго Бога въ тріехъ лицахъ. Протяженіемъ же двохъ палцовъ —

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ, помѣщенныхъ ранѣе московской печатной Псалтири 1642 года, въ которой въ первый разъ было напечатано ученіе о двоеперстїи въ крестномъ знаменїи, оказывается, что и кїевская Русь также, какъ и московская держалась до половины XVII вѣка того же двоеперстїи и что въ кїевской ученой литературѣ, до половины XVII вѣка, свидѣтельствъ за троеперстїе рѣшительно не имѣется. Въ виду этихъ неопровержимыхъ данныхъ видѣть въ двоеперстїи специальный продуктъ московскаго невѣжества, измышленїе невѣжественныхъ московскихъ грамотѣевъ оказывается рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ двоеперстїе признавали правымъ, открыто его проповѣдывали и въ первый разъ внесли его въ свои печатныя книги южно-русскїе ученые, уже по примѣру которыхъ и Иосифовскїе книжные справщики внесли ученїе о двоеперстїи въ московскїя печатныя книги, заимствовавъ у кїевлянъ и самую редакцію въ изложенїи этого ученїя. Что же касается того вопроса: откуда взялось двоеперстїе и въ кїевской Руси, то отвѣтъ на это, по нашему мнѣнїю, можетъ быть одинъ: двоеперстїе существовало въ древней Руси, какъ общїй обычай, еще до раздѣленїя митрополїй, съ самаго начала введенїя у насъ христіанства, а потомъ въ качествѣ древняго и всѣми признаннаго обычая, оно удержалось и на сѣверѣ и на югѣ и послѣ раздѣленїя митрополїй, вплоть до самой половины XVII вѣка, когда сначала въ кїевской Руси (при Могилѣ), а потомъ и въ московской (при Никонѣ), произведена была однородная церковная реформа, приведшая русскїе церковныя чины и обряды въ соотвѣтствїе съ современными греческими. Такое предположенїе необходимо сдѣлать въ виду того, что кїевская Русь въ церковномъ отношенїи, съ первыхъ временъ введенїя у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, подъ его высшимъ

вышнїаго и среднїаго показуется таинница самаго Господа нашего І. Христа, иже есть доскопалый Богъ и доскопалый былъ человекъ нашего дѣла спасенїе и пр. какъ это изложено въ московской печатной книгѣ о Вѣрѣ, въ которой московскїе издатели не прибавили и не измѣнили отъ себя ни одного слова. Рукоп. Ундольскаго № 427, л. 126.

вѣдѣніемъ и водительствою. Восточные патріархи не разъ принимали самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни южной Руси, не разъ бывали въ ней сами лично, не разъ посылали туда своихъ викариевъ. Кроме того въ южной Руси почти непрестанно жили разные греческіе епископы, жило въ ней всегда много и другихъ грековъ и между ними бывали и люди ученые, которые, какъ напримѣръ, протоевangelъ alexandрійскаго патріарха Іосифъ, принимали даже прямое и непосредственное участіе въ исправленіи южно-русскихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ. При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появляться, а тѣмъ болѣе такъ долго существовать двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, еслибы оно дѣйствительно было только позднѣйшимъ новоизмышленнымъ искаженіемъ единственно правой и единственно древней формы перстосложенія—троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшіе въ XVII и XVIII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у киевлянъ двоеперстіе, то это показываетъ, что они видѣли въ русскомъ двоеперстіи древній, прочно установившійся и потому привычный для народа обычай и притомъ такой, въ которомъ они, греки, не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ.

О существованіи двоеперстія у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ, имѣются нѣкоторые положительныя данныя. Въ 1650 году извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Палсія и прибывъ съ нимъ въ Молдавію, остановился въ метохѣ сербскаго Аеонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки и аеониты сожгли на Аеонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: „нѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣты старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ де тому же училъ“. Узнавъ объ этомъ греки аеониты призвали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. И онъ де имъ говорилъ, *что есть у нихъ книги старинныя сербскія писанныя, а съ нихъ де*

писано о крестномъ знамені также, какъ и въ московскихъ. И тое де книгу письменную, съскавъ, принесли на соборъ и стущали въ московскую печатную книжю и все де сошло слово въ слова противъ московской печати, а та де книга, какъ писана 130 лѣтъ тому“. И московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой заключалось учение о двоеперстїи, греки аеоныты сожгли, причеъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ явился ахридскїй архїепископъ Даниль, который въ то время случился на Аеоиѣ. Сухановъ собралъ о соженїи русскихъ книгъ на Аеоиѣ точныя свѣдѣнїя отъ очевидцевъ и, такъ какъ Даниль ахридскїй въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисїемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даниль, учаемый очевидцами, въ присутствїи патріарха, Суханова и другихъ далъ такое показанїе: „было де во Аеоиской горѣ такъ: собралися старцы на сербскаго старца Дамаскина именемъ, что онъ крестится не по гречески и иныхъ тому учить, и того де старца претавя на соборѣ, допрашивали, откуда онъ тому научился? И онъ де указалъ на сербскую на письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тое де книгу, вземъ у него сожгли. а та де книга старинная сербская, тому 130 лѣтъ какъ написана и тому де есть письмо, здѣ прислано изъ Аеоиской горы къ митрополиту Стефану Торговицкому“⁷⁶⁾. Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомїй, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшїй изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисїя, доносилъ государю: „а за крестное воображенїе и за книги, которые пожгли (на Аеоиѣ), говорилъ вопреки и противъ правды святыхъ отецъ стоялъ святые Аеоискіе горы старецъ Теодоръ, житїемъ духовенъ и греческіе, государь, старцы хотѣли иво убить до смерти“⁷⁷⁾. Григоровичъ, при посѣщенїи имъ Аеоиа на одной книгѣ Хиландарскаго монастыря, прочелъ замѣтку, что въ 1670 году, когда на святой горѣ происходили пренїя о крестномъ знаменїи, „сожегоше книги московскїе на карчї-ахъгрыци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика ихъ Захарїю въ темницы затворише и глобише ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ

⁷⁶⁾ Статейный списокъ Суханова, греческія дѣла 7157 г. № 8.

⁷⁷⁾ Греческія дѣла 7158 г. № 9.

дукаваго рода грѣческаго! Мца маіа ки веліе безчестіе соторина насемъ серблемъ и болгарамъ ⁷⁶⁾). Отрицать послѣ этихъ свидѣтельствъ тотъ фактъ, что сербы аеоныты около половины XVII вѣка потому именно стали на сторону мосновскаго двоеперстіа противъ современнаго грѣческаго троеперстіа, что находили ученіе о двоеперстіа и въ своихъ старыхъ письменныхъ книгахъ, неудобно.

Другое, еще болѣе рѣшительное свидѣтельство объ употребленіи православными сербами двоеперстіа въ крестномъ знаменіи заключается въ слѣдующемъ: въ 1618 году въ Угорцахъ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Собраніе въкражде-словесъ отъ божественнаго писанія изъ'объясненіемъ изложенія святыхъ апостоуъ одумадесяти артыкуловъ православной вѣры. Выдруковано кештомъ и накладыуъ благочестиваго его милости Александра Шептицкаго Зшептичь, працею і стараніемъ іеромонаха Павла Домжива Лютиковича і еродиягона Селивестра. Въ Угорцахъ, року 1618, мца марта 30 дня“ ⁷⁷⁾). Въ этой книжкѣ, представляющей вѣчто въ родѣ краткаго катихизиса, на первой же страницѣ, находится статья „О знаменіи крестномъ“, въ которой ученіе о перстосложеніи излагается такъ: „зложеніе велиаго пальца здвома малыми, значить Святую Троицу, а сложеніе того, што при великомъ до средняго, значить двѣ натурѣ і истности въ Христѣ. Положенъе правой руки на чело значить двое: предвѣчное отъ Бога Отца сыновне рождество и тое же звысовности зысполъ“ и такъ дажѣ вполне сходно, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, съ изложеніемъ ученія о троеперстіа Стефана Зизанія, какъ оно было изложено въ прибавленіи къ Азбукѣ 1696 года. Понятное дѣло, что православные сербы не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой, еслибы видѣли въ ней на первой же страницѣ неправославное ученіе о перстосложеніи, противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ обычаю троеперстіа. Если же они могли рѣшиться печатать въ своихъ учительныхъ книгахъ ученіе о двоеперстномъ крестномъ

⁷⁶⁾ Григоровича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. 2, стр. 82.

⁷⁷⁾ Этой рѣдкой книжки въ Россіи находится только два экземпляра, одинъ въ Румяндевскомъ московск. музеѣ, другой—въ Импер. публичн. библиотекѣ.

знамени, вопреки тогдашнему греческому троеперстию, то конечно только потому, что находили оправданіе для этого въ своей собственной церковной практикѣ, могли сослаться на свои древнія книги (какъ это было на Авоиѣ), подтверждающія двоеперстіе.

На вопросъ, откуда же у русскихъ и у другихъ православныхъ славянъ взялось двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: они могли заимствовать двоеперстіе только у своихъ общихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ. Такъ именно и заявляли объ этомъ ревнители церковной реформы Нилонъ, которые утверждали, что будто бы въ древнее время и сами греки употребляли въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, которое они и передали русскимъ, что будто бы и сами греки въ относительно недавнее только время перемѣнили двоеперстіе на троеперстіе. Дьякоуъ Федоръ говоритъ: „у нихъ (грековъ) говорили и издавна аллилуію ⁹⁰⁾, и словеніе перстъ имѣли якоже мы; но недавно намѣнили, смущаемы отъ римскихъ наукъ“. Во время пренія о пертословеніи съ Анастасіемъ, митрополитомъ иконійскимъ, дьякоуъ Федоръ говорилъ ему: „я у васъ такого мудрованія (т.-е. троеперстія) прече сего не бываю при прежнихъ святѣйшихъ патріархахъ православныхъ, до иподьякона Дамаскина, отъ него же вы книги прелестестеса... мы, въ православномъ словеніи перстовъ, но знаменіи крестномъ на четырехъ вашихъ святыхъ слышася и тѣмъ вѣруемъ“. Онъ же говоритъ: „самаго канархиста Гроба Господня, ижедемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 1772 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому слагаетъ перети, за васъ знаменіе крестное вы динѣ почали страдати... а цареградскій де патріархъ благословляетъ по новому малакшиницкыи словеніемъ. И обѣ руки ихъ начертаетъ на бумагѣ перомъ. И о ценоткѣ въ греческихъ книгѣхъ старыхъ отнюдь нѣсть, развѣ новаго нѣкоего безъимянника иподьякона Дамаскинаенаго“. Старецъ Симоновъ монастыря Серапионъ на допросъ показывалъ въ 1666 году, что

⁹⁰⁾ Что у грековъ дѣйствительно въ древнее время употреблялась и сугубая аллилуія, см. объ этомъ прекрасную статью Николаевскаго: «Въ исторіи споровъ объ аллилуія», Христ. Чт. 1884 г.

онъ разспрашивалъ иконійскаго митрополита Аеанасія про греческіе церковныя обычаи и Аеанасій будто бы говорилъ ему, что у грековъ младенцевъ крестятъ чрезъ обливаніе и что греки въ настоящее время употребляютъ троеперстіе, „а въ старину де и у нихъ въ грекахъ крестились двѣма персты; и та де у нихъ оставили, и назвали тотъ крестъ арменскимъ крестомъ, „нынѣ де у нихъ въ грекахъ двѣма персты не знаменуются, а знаменуются де тремя персты, во образъ Свѣтыя Троицы“ ⁸¹⁾. Инокъ Авраамій говоритъ: „а еже обмыкаются на грекъ о сложении трехъ персты, и тамо сія у нихъ недавно вошедшая предѣсть, всего оемьдесятъ дѣтъ. А прежде сего отнюдь не было сія и некоторый богословецъ и учитель церковный не написалъ нигдѣ, ни предѣль тремя персты креститься, понеже худно есть и нечесливо, арменское то, а не христіанское“. „А егда, государь вопрошавши, отъ нихъ о своемъ члѣкѣ мудреванн: кто вамъ предаде сіе и кто насъ научи сему, еже обмыкою крестъ воображати? и обмыкаются на неведомаго чловека, Дамаскина имени, иподьякона, Студита, что онъ такъ мудрствовалъ и написалъ. А тотъ ихъ Дамаскинъ неведомо кто, и во свѣтыхъ не слышшихъ его“. Тотъ же Авраамій пишетъ: „гдѣ бо таковое не праведно речеся, или предадеся когда, еже тремя персты креститесь? Отъ апостола ли?— Никакоже. Или отъ отца?— Отъ свѣтлаго отца? Никакоже. Или отъ отступника папы Фермова. Онъ бо тако мудрствовалъ; и другій учитель Дамаскинъ иподьяконъ такъ же написа, о немъ же ниже слышахомъ когда прежде сего, ни отцы наша возвѣстиша намъ. И никій, государь, учитель новый не согласуетъ со свѣтлыми и богомыслимыми отцами древле предавшими намъ единою сіе таинство, но со арменцы едино мудрствуютъ. Они бо, зловѣрци, тако тремя персты крестятъ лице свое безъ воцлощенія Христова“ ⁸²⁾.

Имѣли ли какое-либо дѣйствительное основаніе указанныя заявленія противниковъ Никона о томъ, что будто бы ранѣе и сами греки употребляли двоеперстіе въ крестномъ знаменіи и что будто бы троеперстіе появилось у нихъ относительно очень недавно?

⁸¹⁾ Матер. для ист. раск. VI, 84, 82, 83, 166, 1, 624.

⁸²⁾ Матер. для ист. раск. VII, стр. 69—70, 294, 299.

Какъ известно, патріархъ Никонъ обращался къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, и между прочимъ относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи. Никонъ получилъ на свои вопросы отвѣтъ отъ цѣлаго Константинопольскаго собора, такъ что на этотъ отвѣтъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на официальное выраженіе взгляда всей константинопольской церкви на интересующій насъ вопросъ. Патріархъ Паисій отъ имени Константинопольскаго собора пишетъ Никону: „На двадцать четвертый (вопрѣсь), въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину, изображать свой крестъ, т.-е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе по преданію поклоняться, имѣя первые три перста соединенными вмѣстѣ въ образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, или научены славить единого Бога въ трехъ ипостасяхъ, Отца и Сына и Св. Духа, и да сораспиемся вмѣстѣ со крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спедшаго съ небесъ и вочеловѣчшагося и плотію пострадавшаго ради спасенія нашего. Да это и основательно, поедіку чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь“. Вотъ и весь отвѣтъ патріарха на вопросъ Никона о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи. Патріархъ Паисій, конечно, хорошо понималъ, что Никонъ въ виду неодинаковости перстосложенія въ крестномъ знаменіи у русскихъ и у грековъ, требовалъ отъ него рѣшительно высказаться о томъ, какое перстосложеніе истинно древнее и правое: русское ли двоеперстное, или греческое троеперстное; зналъ онъ конечно и то, что русскіе придаютъ этому вопросу чрезвычайно важное значеніе, и однако въ своемъ отвѣтѣ онъ только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай и на его полное соотвѣтствіе съ православнымъ вѣрученіемъ, вовсе не утверждая въ то же время, что современное греческое троеперстіе есть единственно-правое и всегда исключительно употреблявшееся въ православной церкви перстосложеніе, не говоритъ, чтобы русское двоеперстіе было и не древнее, и не правое. Отвѣтъ ца-

тріарха можно перевести такимъ образомъ: греки употребляютъ въ крестномъ знамені троеперстіе и они вполне правы, потому что исповѣдуютъ этотъ правое православное вѣроученіе, а рускіе могутъ держаться своего вѣковаго обычая—двоеперстія и будутъ также правы, если они конечно соединяютъ съ этимъ правую православную мысль. Болѣе опредѣленно и рѣшительно патріархъ Писій высказалъ свою мысль о томъ или другомъ способѣ перетосложенія въ крестномъ знамені въ слѣдующемъ отвѣтѣ на вопросъ Никона относительно способа сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи. Что касается сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи, пишетъ патріархъ Писій Никону, „то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіи, или, что то же, имя Іисуса Христа, именно: изображая і и с—что въ сокращеніи значить Іисусъ, и х и с—что въ такомъ же сокращеніи означаетъ Христосъ. А какими перстами кто почитываетъ эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священника, и что Іисусъ Христосъ самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, кто ищетъ ея съ вѣрою. Не приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается Христосъ благословляющимъ на иконахъ, поелику такая форма пертосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христосъ, именно: большой палецъ, т. е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисуса, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одного изъ нихъ х, и малый послѣдній с, что значить Христосъ. Впрочемъ то же самое будетъ означать, если будутъ держать и два послѣдніе перста (приклоненными) книзу въ формѣ двухъ с с, три же первые стоймя, какъ изображающіе і и х,—и это не дѣлаетъ никакого различія“. Такимъ образомъ патріархъ Писій, отвѣчая на вопросъ относительно пертосложенія въ іерейскомъ благословеніи, прямо и рѣшительно говорить, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное, и тѣмъ ясно даетъ понять, что константинопольская церковь, отъ лица которой говоритъ патріархъ, сущность дѣла полагаетъ здѣсь не въ томъ или иномъ пертосложеніи, а въ са-

мой мысли, выражаемой имъ, такъ что, если человекъ держитъ правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какъ онъ и какіе именно персты слагаетъ. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго архіерейскаго или іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другаго перстосложенія, то тѣмъ болѣе конечно эта свобода допустима относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христианиномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложениемъ, была строго православна.

Вотъ точка зрѣнія православной константинопольской церкви на то или другое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и въ архіерейскомъ благословеніи, оффициально выраженная въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Никону. Этими вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь, сама употребляя въ послѣднее время исключительно троеперстіе, въ то же время допускала существованіе двоеперстія и въ московской и въ кievской Руси и у сербовъ, и вовсе не предпринимала какихъ-либо мѣръ для замѣны его у нихъ троеперстіемъ, такъ какъ она знала, что съ двоеперстіемъ русскіе и сербы соединили ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ. Но была въ этомъ дѣлѣ и другая сторона.

Простое заявленіе константинопольскаго патріарха, что греки употребляютъ по преданію древнее обыкновеніе креститься тремя первыми перстами во образъ Св. Троицы, безъ всякаго подтвержденія этого проложенія какимъ-либо доказательствомъ, кромѣ указанія на заключающееся въ немъ православное ученіе, очевидное нежеланіе патріарха сказать, что русское двоеперстіе не есть такое же древнее обыкновеніе, какъ и греческое троеперстіе, его очевидное преднамѣренное стремленіе внушить русскимъ ту мысль, что то и другое перстосложеніе въ существѣ дѣла совершенно безразлично, лишь бы только имъ выражалась православная мысль, ясно показываетъ, что ученый Мелетій Сиригъ, которому принадлежитъ составленіе соборныхъ отвѣтовъ на вопросы Никона, хорошо знаетъ, что въ православной вселенской церкви перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было въ различное время неодинаково, что русское двоеперстіе нѣкогда существовало и у самихъ грековъ, отъ которыхъ оно

вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и перешло въ русскимъ. Именно этимъ и объясняется то обстоятельство, почему константинопольскій соборъ въ своихъ отвѣтахъ Никону никакъ не могъ сказать того, что единственно древняя и православная форма перстосложенія въ крестномъ знаменіи есть только троеперстная, современная греческая, и что русское двоеперстіе по отношенію къ греческому троеперстію есть уже позднѣйшая, искаженная форма перстосложенія, хотя Никонъ въ своихъ вопросахъ и требовалъ конечно именно того, о чемъ рѣшительно умащиваетъ соборъ, т.-е. желалъ знать, какое перстосложеніе древнѣе и простѣе—греческое или русское—двоеперстное троеперстное.

Что у грековъ въ древнее время вмѣстѣ съ другими формами перстосложенія существовало и двоеперстіе, на это имѣются прямые данныя. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя подобно монофелитамъ однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ Божествѣ)²²⁾. Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 года (хотя нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говорить, что въ крестномъ знаменіи „два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Исуса Христа, во двою естеству: въ единомъ составѣ познаваема“. Но болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія въ крестномъ знаменіи принадлежитъ несторіанскому митрополиту Ильѣ Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане и монофизиты называютъ православныхъ, — и съ несторіанами, онъ говорить „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, одни знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе двумя перстами, ведя,

²²⁾ Cotelerio: Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 500—XXIV, 502—XXXVI, 507—LVII, 508—LVIII и 670.

наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, 'объявля' себя 'однимъ' перстоимъ сълва направо; означаютъ этимъ, что: вѣруютъ въ единого Христа—превелъ икупленныхъ отъ грѣха (сълва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты, изображая крестъ въ знаменіи двумя перстами—справа налѣво, исповѣдуютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ Божество и человѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиною нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой⁴⁾. Это ясное и определенное свидѣтельство объ употребленіи греками въ X вѣкѣ двоеперетія въ крестномъ знаменіи наши полемисты съ расколомъ стараются всячески отвергнуть на томъ основаніи, что подъ мелхитами слѣдуетъ будто бы разумѣть вовсе не православныхъ, а какихъ-то новѣдомыхъ для исторіи еретиковъ. Такъ о. Виноградовъ, въ своемъ сочиненіи „О Θεодоритовомъ Словѣ“ говоритъ: „мелхиты почему-то въ статьѣ о крестномъ знаменіи, помѣщенной въ Чтен. Общ. Ист. 1847 г., № 7, названы *православными*“. Почему пресвященный Филаретъ черниговскій, авторъ упомянутой статьи о крестномъ знаменіи, называетъ мелхитовъ православными, это понятно. Ассеманъ, у котораго Филаретъ черниговскій и о. Виноградовъ берутъ приведенное выше свидѣтельство Ильи Гевери, въ главѣ, гдѣ находится это свидѣтельство, прямо говоритъ, что нѣкоторые несторіанскіе обряды очень сходны съ обрядами мелхитовъ или грековъ, что несторіане *ἵτις* *ἑραεσιν* *αεριντιν* и затѣмъ говоритъ между прочимъ, что несторіане изображаютъ крестъ „*по обычаю грековъ*“, въ доказательство чего и приводитъ свидѣтельство Ильи Гевери о томъ, что мелхиты и несторіане крестятся двумя перстами⁴⁾.

Что подъ мелхитами нужно разумѣть православныхъ и, частнѣе, православныхъ грековъ, это съ несомнѣнностью слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ Ассемана, гдѣ онъ только говоритъ о мелхитахъ. По поводу небеснаго огня, сходящаго въ Іерусалимѣ въ великую утреню на Гробъ Господень, онъ говоритъ: „*ме волею Бога, а волею тварей дѣлается это чудо: это ясно изъ того, что патриархъ мелхитовъ въ какое хочеть время входитъ и зажигаетъ*

⁴⁾ Asseman. Biblioth. Oriental. T. III, pars 2, pag. CCCLXXVII—CCCLXXVIII и CCCLXXXVIII.

еть свѣчи въ двухъ лампадахъ, скрытыя въ запертомъ святомъ гробѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ армянскій патріархъ, семь лѣтъ прожившій въ Іерусалимѣ и входившій для возжиганія огня вмѣстѣ съ *патріархомъ мелхитомъ*“⁸⁵⁾). Ясно, что въ данномъ случаѣ патріархомъ мелхитомъ названъ не кто иной, какъ православный іерусалимскій патріархъ. На это даже и указываетъ самъ Ассеманъ, когда говоритъ: „Quaresimus говоритъ, что огонь возжигается абиссинцами, а не патріархомъ *мелхитомъ или грекомъ*“⁸⁶⁾). Армянскій митрополитъ, конца XIII и начала XIV вѣка, „Ebedjesus Sebepais“, различивъ три секты христіанъ, именно яковитовъ, мелхитовъ и несторіанъ, объ мелхитахъ прибавляетъ: другая, которая признаетъ два естества и одно лицо въ Христѣ, называется сектой *мелхитомъ*, такъ какъ установлена силой императоромъ; и ее приняли римляне, которые называются франками, и *константинопольскіе греки* и всѣ сѣверные народы: именно *рутены (Русскіе)*, аланы, черкассы, азіані, грузины и другіе ихъ сосѣди. Франки же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что считаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и для жертвы употребляютъ опрѣсоки“⁸⁷⁾).

И другіе ученые, напримѣръ Combetis, подъ мелхитами разумѣютъ православныхъ, или всѣхъ тѣхъ, которые вопреки еретикамъ-моноизитамъ признали четвертый Вселенскій соборъ. Онъ говоритъ: „одни, послѣдовавшіе православной вѣрѣ, собору и царю Маріану, были названы мелхитами, т.-е. царскими, потому что мелхи по-сирски и по-еврейски значить царь“⁸⁸⁾). Наши полемисты съ расколомъ, въ подтвержденіе того, что подъ мелхитами слѣдуетъ разумѣть еретиковъ, а не православныхъ, ссылаются на старопечатную Кормчую, въ которой приводятся слѣдующія слова Дмитрія, митрополита визичевского (911—919 г.),

⁸⁵⁾ Ibid. p. CCCLXV.

⁸⁶⁾ Ibid. p. CCCLXVI. И въ другихъ мѣстахъ Ассеманъ называетъ грековъ мелхитами: «тѣ же ступени посвященія и у *грековъ мелхитомъ* въ антиохійскомъ патріархатѣ», «обрядъ благословенія архидіакона относится къ антиохійской церкви *грековъ мелхитомъ*»; «оградиченная власть хорепископа и періодефта у *грековъ мелхитомъ*, сирійцевъ несторіанъ и яковитовъ», Ibid. p. DCCCXXXII, DCCCXLIII.

⁸⁷⁾ Ibid. c. CCCXXXIII, и t. II, p. 456.

⁸⁸⁾ Combetis Historia haeresis Monothelitarum, p. 265.

о яковитахъ и о халцидарѣхъ: „другая ересь мелхите нарекошася, иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши, мелхій бо царь сказуется; сии же и халцидари, иже токмо въ крестъ вѣрують, по языку бо ихъ хацы крестъ именуется“⁸⁹⁾.

Но вопросъ въ томъ: кто былъ благочестивый царь Маркіанъ, за которымъ послѣдовали мелхиты и отъ котораго они получили свое названіе? Это былъ греческій императоръ Маркіанъ, супругъ Пульхеріи, который въ 451 году собралъ въ Халкидонѣ четвертый Вселенскій соборъ, осудившій монофизитовъ, которые съ этого времени уже окончательно отдѣлились отъ православной церкви, увѣряя, что опредѣленія Халкидонскаго собора состоялись будто бы подъ давленіемъ императора, почему они принявшихъ этотъ соборъ и назвали отъ еврейско-сирскаго слова мелехъ-царь—мелхитами, царскими или по современному—роялистами. Очевидно, что слѣдовать благочестивому царю Маркіану, т.-е. быть мелхитами значило быть православнымъ, наоборотъ, не слѣдовать Маркіану, т.-е. не быть мелхитомъ—значило не быть православнымъ. Въ виду этого уже само собою становится понятнымъ, что православный митрополитъ Димитрій кизическій никакъ не могъ назвать мелхитовъ, „иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши“, еретиками. Онъ дѣйствительно и не называетъ мелхитовъ еретиками. Приведенное мѣсто Димитрія кизическаго съ греческаго читается такъ: „мелхитами были названы послѣдовавши благочестивому царю Маркіану, ибо мелхи значить царь“⁹⁰⁾ и только. Вѣроятно какой-нибудь позднѣйшій славянскій писатель, приводя это мѣсто изъ Димитрія кизическаго, и видя, что онъ говоритъ о еретикахъ яковитахъ и тутъ же о какихъ-то непонятныхъ ему мелхитахъ, счелъ и послѣднихъ за еретиковъ наравнѣ съ яковитами и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ отъ себя въ словамъ Димитрія кизическаго пояснительную приставку изъ двухъ словъ: „другая ересь“, благодаря чему православные послѣдователи благочестиваго царя Маркіана совершенно неожиданно превратились въ еретиковъ.

⁸⁹⁾ Свящ. Виноградова: О Феоdorитовомъ словѣ, стр. 46. Высокопреосв. Макарія статья: правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія. Братское слово, 1875 г., кн. 2, стр. 34.

⁹⁰⁾ Подлинный греческій текстъ приведенныхъ словъ Димитрія Кизическаго, см. у Рали и Потли въ Züb. стна, т. IV, стр. 407—408.

Силу приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ въ пользу существованія у грековъ двоеперстія въ X, XI и XII вѣкахъ нѣкоторые думаютъ ослабить и тѣмъ еще соображеніемъ, что будто бы приведенныя свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, специально сирійскій обычай¹⁾, котораго совѣтъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но и такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію. Мы имѣемъ подъ руками такой фактъ, который ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви вначалѣ XI столѣтія. Этотъ фактъ заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антиохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропудомъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году 15 іюня Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитскими, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ константинопольскимъ составленъ былъ соборъ съ цѣлю обратитъ яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же послѣ долгаго спора не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали ея въ евхаристіи и крестились не однимъ перстомъ, а двумя²⁾. Григорій

¹⁾ См. вышеупомянутую статью митрополита Макарія въ Братскомъ словѣ, стр. 34, 35, 43.

²⁾ Tum (inquit) facto rursus conventu Patriarcham (Graecorum) et episcopos accessentes, Ioannem Abdon Patriarcham et Eliam Symnaeae episcopum sedere

Bar-hebraeus, яковитскій патріархъ конца XIII вѣка, у котораго Ассеманъ взялъ приведенное имъ извѣстіе, въ своей „Хроникѣ“ о пребываніи Іоанна Абдона въ Константинополь рассказываетъ слѣдующее: когда Абдонъ явился въ Константинополь, то народъ благодаря неблагоприятнымъ вѣстямъ, распущеннымъ про яковитовъ митрополитомъ Никифоромъ, бросалъ въ яковитскаго патріарха и его свиту съ крышъ камнями. „Когда же предстали предъ патріархомъ халкидонскимъ въ ихъ большой церкви, того патріарха злорѣчивый митрополитъ греческій убѣждалъ не вступать съ ними (яковитами) въ изолѣдованіе о вѣрѣ, такъ какъ они были чрезвычайно искусны въ спорахъ, но не могъ сдѣлать, чтобы не спрашивали ихъ. Итакъ, когда спрашивали, что же они исповѣдывали, наши принесли два свитка (двѣ книги), написанные по гречески и по сирійски. Когда же раскрыли свитки, то греки ничего не могли прочесть въ нихъ. „Мы васъ привели, сказали противники (греки), не затѣмъ, чтобы у васъ учиться вѣрѣ, но чтобы васъ учить вѣрѣ; исповѣдуйте вмѣстѣ съ нами двѣ природы послѣ соединенія (post unione)“. А патріархъ (яковитскій) отвѣтилъ: „мы ни въ чемъ не измѣнили исповѣданіе нашихъ отцовъ“. Тогда сей злорѣчивый милитинецъ, поднимаясь, говоритъ: „ты отвергаешь исповѣданіе императора“⁴³⁾ и

jusserunt. Quumque post longam disputationem nostros in suam sententiam flectere nequissent, id unum ab iis postularunt, ne scilicet oleum Eucharistiae administrarent, neve crucem unico digito, sed duobus firmarent. Asseman. Biblioth. Oriental. T. II, pag. 352 et 356.

⁴³⁾ Греки такимъ образомъ отождествляли православіе съ вѣрностью константинопольскому императору; въ числѣ доказательствъ въ пользу православія указывали на то, что его установили и исповѣдуютъ византійскіе императоры, почему яковиты и потомъ несторіане и называли православныхъ грешовъ презрительно *мелхитами*, т. е. вѣрующими по приказу царя. Гиббонъ говоритъ: «многочисленность и высшіе признаки могущества давали латинянамъ и грекамъ нѣкоторое право называть себя католиками; но на востокъ имъ давали менѣ почетное названіе *мелхитовъ* или *роялистовъ*, т. е. такихъ людей, вѣрованія которыхъ основывались не на Свящ. Писаніи, не на разумѣ и не на традиціи, а были установлены и поддерживались произвольно властію свѣтскаго монарха. Ихъ противники (т. е. яковиты и несторіане) могли ссылаться на слова членовъ Константинопольскаго собора, обвинившихъ себя рабами государя и могли съ злобной радостію рассказывать, какъ декреты Халкидонскаго собора были внушены и передѣланы императоромъ Маркіаномъ и его цѣломудренною супругой (Ист. упадка и разрушенія римск. имперіи, т. V, стр. 273, перев. Невѣдомскаго).

ударилъ патриарха по щекѣ, ему самъ блаженный подставилъ и другую. Такимъ дѣйствиємъ многіе изъ знатныхъ грековъ были раздражены, опечалены и плакали и, вышедши, разошлись съ рыдотомъ. Патриархъ же и его спутники были отведены въ монастырь Маг-Меннае и на слѣдующій день въ монастырь Григорія. Потомъ собравши другой соборъ, призвали патриарха (греческаго) и епископовъ (греческихъ) и заставили присутствовать патриарха (яковитскаго) и Елію симнадійскаго. Когда же послѣ многихъ собесѣдованій увидали, что тѣ съ ними совсѣмъ не соглашаются, сказали: „только не примѣшивайте елей къ священной частичкѣ и не изображайте крестъ однимъ перстомъ, но двумя“^{*)}).

Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патриархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами желая обратить въ православіе яковитскаго патриарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно потребовалъ отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что вначалѣ XI вѣка какъ самъ константинопольскій патриархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ, вопреки монофизитскому одноперстію. Почему греки держались двоеперстія и почему они такъ настойчиво требовали отъ яковитовъ, чтобы тѣ никакъ не крестились однимъ перстомъ, а двумя,—понятно. Употребленіе яковитами одного перста въ крестномъ знаменіи находилось въ тѣсной связи съ ихъ монофизитскими воззрѣніями на природу Христа. Ассеманъ въ своей „dissertatio de Monophysitis, помѣщенной въ началѣ втораго тома его Bibl. Oriental., говоритъ: „Пратеолъ со словъ Бернарда люксембургскаго, а со словъ Пратеола Куалтерій Гошманъ пишутъ, что яковиты не вѣруютъ во Святую Троицу, но только въ единство, въ обозначеніе чего при крестномъ знаменіи знаменуютъ себя и осѣняютъ однимъ перстомъ. Откуда они взяли

*) *Tantum modo, aiebant, ne misceatis oleum particulae consecrandae, et ne cruceis signetis uno digito, sed duobus.* Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum издава въ трехъ томахъ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями, Ioannes Baptista Abbeloos et Thomas Iosephus Lamy Loceanii 1872 г. Приведенныя нами свѣдѣнія объ Іоаннѣ Абдонѣ взяты изъ перваго тома, стр. 426—430.

такой обычай—не говорить. Но что онъ дѣйствительно былъ измышленъ, это доказываютъ синодальныя посланія патріарховъ того народа къ александрійскимъ первосвященникамъ, равно богословскія сочиненія епископовъ и ученыхъ, на которыя я ссылаюсь въ этомъ томѣ; наконецъ сирійскія литургіи и богослужебныя книги той сенты, въ которыхъ ничто такъ часто не встрѣчается, какъ исповѣдываніе троичности лицъ и единства божественной природы. Почему же знаменіе креста совершаютъ однимъ перстомъ, причину этого указываетъ Давидъ, сынъ Павла, епископъ яковитскій, въ діалогѣ de Trisagio въ слѣдующихъ словахъ: поелику Христосъ одинъ, Божіе слово, которое воплотилось, а не два и распятъ на одномъ крестѣ и одинъ разъ; по сему крестъ изображаемъ однимъ перстомъ. Туже почти причину, указанную самими яковитами, принимаетъ и Яковъ Витрійскій въ *Histor. Orient.* Когда же я спрашивалъ, говорить, почему знаменовался только однимъ перстомъ, отвѣчали, что однимъ перстомъ обозначали единую божескую сущность, тремя же частями—Троицу, осѣняя себя знаменіемъ креста во имя троичности и единства. *Греки же и сиріане возражали имъ, что по причинѣ единства природы, которую признавали во Христѣ, знаменовались только однимъ перстомъ.* Замѣть, что не только противники яковитовъ, каковы греки и сиріане, обвиняютъ ихъ въ томъ нелѣпнѣйшемъ заблужденіи, которое Пратеоль и иные вышеупомянутые авторы имъ приписываютъ⁵¹⁾. Греки обличали латинянъ въ томъ, что они крестятъ лицо однимъ перстомъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ монофизиты, имѣющіе въ виду обозначить этимъ единую природу Распятаго⁵²⁾. Combetis говоритъ⁵³⁾, что яковиты „придумали и то, чтобъ однимъ перстомъ крестить лицо, какъ признающіе во Христѣ одну природу“. Gretzeri говоритъ⁵⁴⁾, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи „употреблялось нѣкогда еретиками монофизитами въ ознаменованіе единой природы во Христѣ, по свидѣтельству Никіфора (lib. 18, c. 53)“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: „два перста (въ крестномъ знаменіи означаютъ) двѣ природы во

⁵¹⁾ Cotelario, *Ecclesiae Graecae monumenta*, t. III, p. 507, 508, 670.

⁵²⁾ *Historia haeresis monothelitarum*, p. 266.

⁵³⁾ *Opera omnia*, t. 1, lib. IV, cap. I, p. 338 и cap. IV, p. 343.

Христь... ибо если еретики монофизиты однимъ перстомъ выражали еретически одну природу во Христь, почему не изображать православнымъ, въ противность еретикамъ, двѣ природы (во Христь) *двумя перстами, обыкновенно употребляемыми при изображеніи креста*²⁸. Дѣйствительно, когда появилась ересь монофизитовъ, которая воспользовалась древнѣйшей, дотогѣ употреблявшейся формой перстосложенія — одноперстіемъ для пропаганды своего еретическаго ученія, стала смотрѣть на одноперстіе какъ на символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христь, тогда православные вопреки монофизитамъ стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христь. Такъ случилось, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить виѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе — православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ православное народонаселеніе было перемѣщено съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя: по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія заключали въ то время и о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось и въ константинопольской церкви и потомъ между сирійскими православными христіанами и почему троеперстіе, эта самая естественная для христіанина форма перстосложенія²⁹), могло сдѣлаться въ греческой церкви всеобщимъ

²⁸) Потому что троеперстіемъ выражается основной догматъ христіанства — ученіе о тринности лицъ въ Божествѣ. Съ этой точки зрѣнія и латиняне признаютъ троеперстіе за самую лучшую форму перстосложенія. Такъ: Gretseri,

господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкасавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ ⁹⁹⁾.

Такимъ образомъ въ греческой православной церкви, благодаря особымъ обстоятельствамъ (именно монофизитству), несомнѣнно существовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи; отрицать этотъ фактъ невозможно, да и нужды въ этомъ, какъ увидимъ, нѣтъ никакой.

Изъ сказаннаго нами понятнымъ становится, откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе и насколько виновато въ немъ московское невѣжество. Въ 1029 году самъ константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, требовалъ на соборѣ отъ яковитскаго патріарха Іоанна VIII Абдона и его спутниковъ, чтобы „они крестились не однимъ перстомъ, а двумя“, требовалъ этого конечно потому, что правымъ и обязательнымъ для православныхъ перстосложениемъ греки считали въ то время двоеперстіе. Но, какъ извѣстно, менѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до этого событія русскіе приняли христіанство отъ грековъ, приняли къ себѣ присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскіхъ христіанствомъ, греки прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству; понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскіхъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ

въ вышеуказанномъ сочиненіи (t. I, сар. IV, p. 343) говорить: «и не важно, всей ли рукой или тремя перстами изображать крестъ, хотя лѣнѣе изображеніе Троицы при троеперстномъ знаменіи.

⁹⁹⁾ Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія въ крестномъ знаменіи говорятъ: папа Левъ IV (847—855), папа Иннокентій III (1198), Лука, епископъ тудитскій въ Испаніи († 1268) и др. (Всѣ эти свидѣтельства указаны въ вышеупомянутой статьѣ высокопр. Макарія, помѣщенной въ Вратскомъ словѣ, 1876, кн. 2, стр. 38—39 и въ статьѣ иеросв. Филарета, архіеп. черниговскаго, помѣщенной въ Чт. Общ. исторіи и древностей 1847 г. кн. VII, стр. 32).

это время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложение, то конечно и русскіе они научили знаменоватъ себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ когда и отсюда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

Но признаніе того факта, что двоеперстіе въ крестномъ знаменіи существовало мѣстогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложения, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двоеперстіе какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложения и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двоеперстіе, какъ господствующая форма перстосложения и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстного перстосложения, то все-таки и само оно не было однако первоначальной и древнѣйшею формою перстосложения, а позднѣйшею и видоизмѣненной изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. Св. Епископъ говоритъ о нѣкомъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* впечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе“. Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Теодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ Іоаннъ Москъ и др. Только у одного св. Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“¹⁰⁰).

¹⁰⁰) Всѣ эти свидѣтельства приведены въ статьѣ митрополита Макарія: «Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія» (Братское слово 1875 г. кн. 2) и въ статьѣ «О крестномъ знаменіи» Филарета, архіепископа черниговскаго (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г. № 7).

Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка христіанства изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ или же на утахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльных частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время ¹⁰¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ различное время очень не одинаково; знаменовали себя крестомъ и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя, причемъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоилось обыкновенно известное, определенное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ ¹⁰²⁾, которое хотѣли выразить вѣншиимъ,

¹⁰¹⁾ Объ этомъ находятся свидѣтельства у Тертуліана, Кипріяна, св. Ипполита, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Ефрема Сирина, Амвросія Медианскаго, у Иеронима, Августина и др. Этотъ фактъ былъ известенъ и нѣкоторымъ русскимъ первой половины XVI вѣка. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь, о заточеніи бывшаго троицкаго игумена Артемія, говоритъ: «да и потому Артемью вина, что троицкій бывшей игуменъ Иона Сергіева монастыря писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: нѣтъ де въ томъ ничего, прежде и сего на челѣ своемъ знаменіе клалъ, а нигдѣ своимъ произволеніемъ болше на себя кресты кладуть» (А. Э. I, № 239, стр. 252).

¹⁰²⁾ Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ своей статьѣ: богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени, въ трактатѣ о крестномъ знаменіи говоритъ: «Извѣстно, что христіане вселенской церкви въ разное время различно знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣри, какое чувство нужно выражать симъ вѣншиимъ дѣйствіемъ, по обстоятельствамъ времени. Чтобы показывать единство Божіе многобожникамъ (въ первое время христіанства), творили знаменіе креста *однимъ перстомъ*. Когда явился Аріій съ своею враждою противъ св. Троицы, тогда *нѣкоторые* стали знаменоваться тремя перстами, хотя общимъ знаменіемъ продолжало оставаться одноперстие. Сіе (троеперстное) неуспѣло еще освятиться употребленіемъ вмѣсто одноперстнаго, какъ монофизитство, явивъ въ концѣ V вѣка, заставило православныхъ обратиться къ другому знаменію. Монофизиты съ тѣмъ большимъ рвеніемъ продолжали употреблять одноперстное знаменіе, что оно, какъ казалось имъ, подкрѣпляетъ мнѣніе объ единомъ ествѣ въ Христвъ Иисусѣ. Православные, желая исповѣдать не только устами, но осязательнымъ знакомъ два естества во Христвъ, стали *знаменоваться себя двумя перстами*. Къ началу X вѣка сн два вида знаменій — одноперстное и двуверстное служили однимъ изъ вѣншихъ отличій двухъ ранныхъ вѣроисповѣданій, монофизитскаго и православнаго. Такъ было въ Сиріи и

для войск видимымъ знаменемъ, такъ что правильность того или другого перетолкованія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христиане сначала изображали только или на челѣ, или на другихъ частяхъ тѣла и уже послѣ стали класть руку при изображеніи креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Следовательно перетолкованіе въ древнемъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣютъ свою исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, причемъ эти видоизмѣненія, всегда находились въ связи съ вѣроученіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить известнымъ перетолкованіемъ¹⁰²⁾. Отсюда само собою

Арменіи, гдѣ монофизитство дѣйствовало съ особою силою. Между тѣмъ троенерстное знаменіе крестомъ входило болѣе и болѣе въ употребленіе и особенно тамъ, гдѣ монофизитство мало занимало собою умы людей: за нимъ осталось то преимущество, что оно для всѣхъ выражало одинъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ христіанства—догматъ св. Троицы, а другихъ отклоняло отъ опоръ пустыхъ». (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г. кн. VII, стр. 30—32).

¹⁰²⁾ Къ сожалѣнію въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного, строго-научнаго, безпристрастнаго и серьезнаго историческаго изслѣдованія какъ о перетолкованіи въ крестномъ знаменіи, такъ и по другимъ вопросамъ, которые однако уже цѣлыхъ два столѣтія служатъ между православными и старообрядцами предметомъ горячихъ споровъ, пререканій и взаимныхъ обвиненій, часто несправедливыхъ благодаря тому, что обѣ спорящія стороны не имѣютъ подъ собою твердой, научно-изслѣдованной почвы. Намъ кажется, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-приобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнюю формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отдѣлялись отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпри-

следует, что считать наукою-либо одну форму перстосложения за единственно православную, будто бы всегда неизменно существовавшую в православной церкви, исключаящую все другие формы, как неправославные, придавать тому или другому перстосло-

страстно и без полемических увлечений будет изложена, например история перстосложения в православной церкви и если возможно и в других христианских церквях, делается понятным, что обряд никак нельзя смешивать с догматом, считать его, как и догмат всегда одинаково неизменным, тогда и он увидит, что с точки зрения древности существования обряда и двоперстия и троеперстия есть позднейшие формы перстосложения по отношению к древнейшей — одноперстия. Он увидит и то, что одноперстие, сначала строго-православный обряд, употребляемый великими отцами и учителями церкви, с течением времени сделался неправославным, конечно не сам по себе, но в виду того, что им воспользовались еретики монофизиты, связавшие с ним к соблазну православных свое еретическое учение, вследствие чего православная церковь и замянула у себя одноперстие, ставшее символом монофизитства, двоперстием, ставшим символом православия. Он увидит далее, что появление двоперстия и продолжительность его существования в православной греческой церкви зависело исключительно от монофизитства, только во время борьбы с ним имело свой смысл и значение. Как скоро борьба с монофизитством прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложения в крестном знамені отличаться не только от монофизитов одноперстников, но и от несториан, строго державшихся двоперстия, с которыми они соединили свои еретические представления об образе соединения двух природ в Христе, замянула у себя двоперстие более естественным и свойственным всякому христианину троеперстием, а ее примеру последовали потом и все другие православные церкви, так что двоперстие сделалось с этого времени исключительной принадлежностью только несторианства, стало еретическим перстосложением в глазах православных. Отсюда уже само собою будет понятным каждому не только то, что двоперстие не есть догмат, но что оно, перешедши на Русь от греков, когда там вели еще борьбу с монофизитами, для русской церкви вовсе не соприсавшейся с монофизитством, никогда не имело того исключительного и важного значения, какое оно имело в свое время для церкви греческой. В виду этого для русских ршительно не было никаких серьезных и уважительных сколько-нибудь причин укорно держаться именно только двоперстной формы перстосложения, а тем более считать ее за исключительно православную форму, особенно послѣ того, как и сама греческая церковь отказалась от двоперстия и замянула его у себя троеперстием, благодаря чему никогда православное двоперстие сделалось теперь исключительною принадлежностью еретиков несториан. Наконец, если двоперстие уже по самому своему существу и происхождению не имело на Руси той исключительной специальной причины для своего существования, кака для него была в известное время в греческой церкви и уже по одному этому

женію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значитъ или вовсе не знать исторію перстосложенія, или завѣдомо искажать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ такимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и

должно было уступить съ теченіемъ времени свое мѣсто троеперстію, то гдѣ бы такая перемена должна была совершиться у насъ, что благодаря правильному взгляду на обрядъ вообще и въ частности благодаря незнакомію исторіи перстосложенія въ крестномъ знаменіи, нѣкоторыми русскими придано было двоеперстію совсѣмъ неподобающее ему значеніе: оно признано было за догматъ, за единственно православную форму перстосложенія, всегда неизмѣнно существовавшую будто бы въ православной церкви и исключаящую всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправильныя. И это въ то время, когда на православномъ востоцѣ двоеперстіе сдѣлалось исключительно принадлежностію несторіанства, когда тамъ на употребленіе двоеперстія стали смотрѣть какъ на вѣдннй видннй знакъ принадлежности употребляющаго его лица къ несторіанству. Между тѣмъ русскіе, имѣя неправильное представленіе о происхожденіи и значеніи двоеперстія, стали однако обвинять грековъ на этомъ между прочимъ основаніи въ неправо-славіи, въ искаженіи древняго православнаго обряда и только себя считали людьми истинно и строго православными, вслѣдствіе чего замѣна у насъ двоеперстія, теперь уже исключительно несторіанскаго обычая, троеперстіемъ становилось дѣломъ требуемымъ миромъ церквей и правильно-понятными интересами самой русской церкви.

Конечно возстановить полную подлинную исторію перстосложенія въ крестномъ, знаменіи съ начала царствованія христіанской церкви до позднѣйшаго времени, равно какъ и исторію другихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ спора между православными и раскольниками, дѣло очень не легкое, но въ то же время и не невозможное. Хотя въ древней христіанской церкви и не придавали обряду того преувеличеннаго значенія, какое ему придано было нѣкоторыми вѣдннй днннй особенно русскими, но все-таки и въ то время обрядъ имѣлъ вообще очень важное значеніе, а если съ нимъ соединялось такое вѣрученіе, по поводу котораго происходили споры и несогласія, то въ такихъ случаяхъ обрядъ ставился наравнѣ съ самымъ ученіемъ. Благодаря этому обстоятельству уже одно изученіе, наприм. несторіанства и монофизитства, въ связи съ исторіею православія и многочислен-ныхъ попытокъ къ ихъ взаимному примиренію, когда обращается серьезное внима-ніе и на существовавшія между ними обрядовыя разности, можетъ дать, по нашему мнѣнію, очень цѣнный матеріалъ и для рѣшенія разныхъ обрядовыхъ вопросовъ.

освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковныя обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія по ея мнѣнію необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно подчиняться водительству церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь.

